

Ксения Солар

ТЕМНАЯ СТОРОНА РАВНОВЕСИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Солар

Тёмная сторона равновесия

<https://litres.ru/74448892>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мрачных лабиринтах мегаполиса, где каждый слой хранит свои секреты, пересекаются судьбы двух совершенно разных людей. Ева — блестящий аналитик с острым умом и железной выдержкой, запертая в золотой клетке токсичных отношений. Виктор — загадочный боец с непростым прошлым, чья сила заключается не только в физической мощи, но и в умении видеть людей насквозь.

Город становится молчаливым свидетелем их истории, которая разворачивается на трех уровнях: на безупречном фасаде, в маргинальных трущобах и в тайной жизни городского сердца. Здесь, среди неоновых огней, Ева начинает осознавать иллюзорность своего мира, а Виктор хранит тайны, способные перевернуть ее представление о реальности.

Их случайная встреча запускает цепную реакцию, заставляя обоих пересмотреть свои убеждения. Сможет ли Ева вырваться из удушающих тисков привычной жизни? Раскроет ли Виктор свою истинную сущность? И главное — что окажется сильнее: безжалостная система или человеческая воля к свободе?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Неожиданный разговор	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ксения Солар

Тёмная сторона равновесия

Пролог

Город дышал тяжело, точно загнанный в угол зверь, который слишком долго бежал и теперь прижался спиной к холодным бетонным стенам. Его легкие — проспекты и переулки — наполнялись и опустошались тяжелым воздухом, пропитанным табачным дымом, сыростью асфальта и едким запахом выхлопных газов. По артериям пульсировала ночная жизнь: редкие такси, одинокие тени под фонарями, мерцание неоновых вывесок в лужах. Свет фар скользил по мокрым улицам, подобно глазам хищника, на мгновение выхватывая из тьмы козырек подъезда, промокшую афишу или силуэт у витрины, и снова растворялся в дожде. Город впитывал всё: каждый шепот под аркой, каждый удар сердца, каждый торопливый или отчаянный шаг. Он ничего не забывал.

Город покоился слоями, словно старое дерево, проросшее сквозь десятилетия.

Внешний слой — молодая, гладкая кора

Снаружи город стремился казаться безупречным. Стекланные фасады небоскребов и деловых центров отражали огни фонарей и редкие блики фар, создавая иллюзию абсо-

лютного порядка. Ровные бульвары, ухоженные клумбы, сияющие витрины и отполированный гранит тротуаров — всё здесь дышало благополучием. Под фонарями шуршала дорогая ткань пальто, за панорамными стеклами ресторанов звенел хрусталь, а воздух был наполнен вежливыми, ничего не значащими фразами. В этих кварталах время текло размереннее: прохожие не спешили, беседовали вполголоса, и даже дождь, казалось, падал тише. Каждая деталь была доведена до совершенства, чтобы за этим фасадом никто не вспоминал о том, что скрывается внутри.

Женщина шла по этому слою так, будто он принадлежал ей по праву — не по рождению, а по расчету. Пальто цвета мокрого графита, тяжелая волна темно-красных волос на плечах, темный лак на длинных острых ногтях — маленький, но принципиальный флаг. Кеды с шипами ступали по полированному граниту бесшумно. Она выглядела расслабленной, и только очень внимательный наблюдатель заметил бы, что эта расслабленность выверена до формулы.

Она шла мимо витрин, не глядя на них. В голове уже в третий раз прокручивался сценарий предстоящего вечернего разговора. Она знала, с каких интонаций он начнется и где собеседник намеренно выдержит паузу, чтобы вызвать у нее чувство вины. Знало сознание и ее собственные реплики — медленные, взвешенные, наполненные едкой иронией, которая не разряжает обстановку, а лишь обнажает напряжение.

Ключи лежали в кармане пальто. Забыв об этом еще на вы-

ходе из офиса, она уже дважды безуспешно проверяла сумку. Раньше за подобную рассеянность ее умели пристыдить, но теперь это не имело значения — она просто продолжала идти.

Днями она возводила из цифр башни. Умела смотреть на массивы данных и видеть не безликие строки, а трещины: там, где кто-то солгал, где баланс не сходился на две копейки или где за безупречным отчетом скрывалась брешь размером с человеческую жизнь. В своей профессии она была холодна и почти безупречна. Первый слой города ценил таких специалистов — тех, кто умеет держать фасад.

Этот слой не любит, когда под корой что-то шевелится. Но она все чаще слышала под полированным гранитом глухой, влажный пульс. И все чаще — старый, въедливый голос изнутри: не перегибай, не высовывайся, не усложняй. Голос был чужим, но он все еще жил в ней.

Она свернула не туда — или город сам переставил поворот. Витрины кончились.

Под корой — годовые кольца

Стоит свернуть с парадного проспекта в боковой переулок — и городская кора сразу истончается. Старые дворы встречают потрескавшимися фасадами и арками, куда дневной свет заглядывает лишь краем, неохотно. Здесь мегаполис уже не пытается казаться благополучным: пахнет ржавчиной водосточных труб, сыростью подвалов и чем-то неуловимо горьким — то ли старой краской, то ли чужой усталостью.

стью. В полумраке подъездов прячутся тени, вздрагивающие от света проезжающих машин. Из приоткрытых окон доносятся обрывки чужих жизней: резкий смех, тяжёлый вздох, оборвавшийся спор, детский плач, тихий разговор на кухне. Местные стены помнят больше, чем люди: они хранят следы стертых вывесок, закрашенные граффити и трещины, в которых скапливается пыль веков.

В этой арке стоял мужчина. Он не прятался — просто находился там, неподвижный и уверенный, будто вырос из этих стен. Кожаная куртка, плотная футболка, тяжёлые берцы — ничего лишнего. В осанке, резких чертах лица и в том, как он уверенно занимал пространство, читалась опасность, которую он даже не пытался маскировать. Случайные прохожие видели лишь внешнюю оболочку: суровый, крепкий тип, каких немало в бойцовских клубах. Никто не задерживался на нем взглядом дольше секунды.

Он смотрел в одну точку и ждал.

Рядом с ним воздух казался гуще и тише. Он не суетился и почти не жестикулировал, а от него самого исходил едва уловимый шлейф табака и сандала — тёплый, сухой, глубокий аромат, который врезался в память.

На левой руке под рукавом куртки угадывался плотный тёмный узор — для посторонних лишь перекрытие юношеских татуировок, для посвященных — нечто совсем иное. На правой стороне шеи, у самого воротника, чернела лаконичная отметина, доступная взгляду лишь избранных.

Он знал этот город изнутри — не фасадный, а тот, что скрывается под корой. Знал двери без табличек, лестницы, ведущие в подполье, и то, как ломать людей не только физически. Враги неизменно совершали одну и ту же ошибку, принимая его за «просто сильного парня», которого можно загнать в угол толпой или шантажом. Они даже не догадывались, что за его спиной стоит целая система, управлять которой он умеет не хуже своего наставника.

Но сегодня он ждал не врагов. Сегодня он ждал чего-то другого.

Сердцевина — то, о чём не говорят вслух

В самом центре скрывалось то, о чём предпочитали молчать. Тёмные коридоры, глухие двери без табличек и лестницы, ведущие туда, где едва горели тусклые фонари. Люди здесь умели растворяться в полумраке, двигаясь бесшумно, словно тени. На пустых парковках за заброшенными складами ветер гонял обрывки газет и пластиковые пакеты, похожие на испуганных птиц. Царила почти абсолютная тишина, изредка нарушаемая далёким гулом верхнего города да глухими сиренами, прорезавшими ночь. А иногда раздавались сухие, похожие на кашель выстрелы, после которых наступало ещё более зловещее затишье. Здесь крылась истинная суть города — жёсткая, равнодушная и лишённая иллюзий. Ей не нужны были фасадный лоск и вежливые фразы; она просто существовала — тяжёлая, холодная и подлинная.

И под всем этим — вода

Город жил всеми тремя уровнями одновременно. Сверху — свет и порядок. Чуть глубже — сырость и шёпот чужих голосов. А в самом сердце — безмолвие, которое нарушали лишь те, кто давно разучился бояться.

Но существовал ещё один пласт — тот, что не лежал на месте, а тёк. Река огибала город мощной веной, вбирая в себя всё: грязь с тротуаров, отбросы из подворотен и тайны из глухих коридоров. Вода не разделяла город на этажи — она их смешивала.

Ночью её гладь превращалась в безжалостное зеркало. Чёрная и маслянистая, она лениво плескалась о бетонные парапеты, освещённая лишь дрожащим неоном с противоположного берега. Вода пахла сыростью, ржавчиной и тленом, поднимающимся со дна вместе с пузырями газа. Начинался дождь, и миллионы капель превращали чёрную гладь в разбитое зеркало, а выползавший туман серой пеленой стирал грань между небом и рекой. В этой ряби невозможно было разобрать, что скрывается у поверхности — мусор, топляк или тело того, кто слишком долго всматривался в бездну.

Вода принимала всё: грязь, грехи, улики — и оставалась неизменной. Она была честнее людей, потому что никогда не притворялась.

Той ночью к ней вышли двое.

Она — с парадного проспекта, мимо витрин и луж, в которых дробился неон; с забытыми в кармане ключами и навязчивым разговором в голове.

Он — из бокового переуллка, от стен, помнящих больше, чем люди; с отметиной под воротником и узором на рукаве, понятным лишь своим.

Они стояли на разных участках набережной. В разных концах города. Не зная друг о друге.

И оба, каждый по-своему, впервые за долгое время ни о чем не думали.

Вода не льстила. Она обнажала город: черного, дрожащего, готового сомкнуться над головой. Если долго смотреть в эту бездну, понимаешь: город не просто дышит — он ждет. Кого-то. Возможно, тебя.

Она еще не знала, кого ждет. Он — тоже.

А город смотрел. Он видел всех: тех, кто шел в свете витрин, тех, кто прятался в кольцах, и тех, кто давно обосновался в сердцевине, где не говорят вслух. Город бережно удерживал это равновесие, словно полный стакан на краю стола: чуть толкни — и всё прольется. Три слоя не соприкасались, но стояли друг на друге, и каждый знал: под ним — пустота.

Город ждал, кто первым оступится. Кто первым рухнет вниз, сквозь кору, сквозь кольца, в самую сердцевину.

Туда, откуда возвращаются немногие. Туда, где вода принимает всех.

Он не торопил. Он просто наблюдал — тяжело, пристально, не мигая.

И где-то в этой тишине, на границе трех слоев, уже натягивалась тонкая, почти неслышная нить. Пока еще невиди-

мая. Пока еще не связавшая их.

Но город уже знал: рано или поздно кто-то упадет.
Вопрос лишь в том — кто.

Город все еще притворялся спящим, протягивая щупальца улиц навстречу рассвету: первые автобусы шуршали по пустым проспектам, фонари гасли один за другим, а воздух густел, готовясь принять дневной шум. Он знал этот ритм — час, когда мегаполис перекладывает тяжесть с ночи на день, и те, кто привык быть удобным, поднимаются первыми, чтобы всё успеть.

Именно в эту минуту Ева открыла глаза. Ровно шесть. Тиканье часов отбивало секунды, словно метроном, очерчивающий границы. Артур еще спал, раскинувшись на своей половине.

Ева выскользнула из постели, стараясь не нарушить его

покой. Контрастный душ, макияж, укладка — всё шло по привычному сценарию. Волосы она собрала в небрежный пучок, позволив нескольким прядям упасть на лицо. В гардеробной взгляд привычно скользнул по вешалкам: шелковый топ, широкие джинсы. Она знала, как Артур поморщится, увидев этот наряд. Но сегодня выбрала не то, что понравится ему, а то, в чем не хочется съезживаться. Кроссовки и темный маникюр — маленький, но принципиальный флаг — стали ее незаметным протестом.

На кухне Ева приготовила завтрак ровно в семь — так, как он любил. Две ложки сахара в кофе, тосты идеальной формы и ни единой складки на скатерти. Она проверяла детали машинально, словно эти мелочи могли удержать хрупкое равновесие.

Артур вошел в восемь — безупречный, собранный, с выверенным до миллиметра обликом. Его взгляд скользнул по ее кроссовкам и задержался чуть дольше обычного.

— Опять эта обувь? — произнес он мягко, почти ласково.

— Мне в ней удобно, — ответила Ева, стараясь удерживать голос ровным.

— Мы же говорили, — спокойно продолжил Артур. — Твой образ должен соответствовать статусу.

Ева кивнула. Спорить было бесполезно — она поняла это еще до того, как он закончил фразу.

В офисе пальцы Евы летали по клавиатуре, а в голове крутилась навязчивая цепочка: успеть к полудню, не дать пово-

да, не сделать ни единого лишнего движения.

Артур заглянул в кабинет как раз в тот момент, когда она сверяла цифры.

— Ты снова задерживаешься с отчетом, — произнес он ровным тоном.

— Он будет готов к полудню. Как и планировалось, — ответила Ева, не отрывая взгляда от экрана.

— Пунктуальность — это уважение к команде, — бросил Артур, словно озвучивая непреложный принцип.

Ева кивнула, по-прежнему не поднимая глаз. Она давно научилась читать между строк: за этим «уважением» неизменно пряталось тихое, но отчетливое «ты не справляешься».

Вечером дома всё шло по отработанному сценарию. Артур задавал вопросы, она давала короткие, безопасные ответы.

— Ты сегодня рассеянна.

— Много работы.

— Может, тебе стоит меньше сидеть за цифрами? Твоя красота не должна прятаться за монитором.

Ева улыбнулась. Улыбка легла на лицо привычной маской — ровной и ничего не выражающей.

Позже, лежа в темноте, она перебирала заученные обрывки: еще один день, не спорить, не злить, всё под контролем. Раньше эти формулы помогали держаться на плаву. Но сегодня среди них прорезалось что-то чужое и острое: почему я

должна вечно быть удобной?

Старый рефлекс сработал мгновенно, подбросив привычное оправдание: он же любит, просто заботится. Раньше от этих слов становилось легче, будто они расставляли всё по местам. Теперь же фраза повисла в воздухе пустой и неубедительной, лишь подчеркивая собственную фальшь.

Город за окном молчал. Но он знал: в каждом тихом «я должна» уже зреет упрямый вопрос «а должна ли?». И терпеливо ждал, когда этот вопрос перестанет быть робким шепотом и обернется твердым шагом.

Глава 1. Неожиданный разговор

Ева Ева приложила карту доступа и вошла в офис. В холле уже кипела жизнь: сотрудники спешили на планерки, а воздух был напоен ароматом эспрессо и атмосферой срочности.

— Привет, красотка! — Лена присела на край стола. — Как прошли выходные?

Ева улыбнулась, откладывая сумочку:

— Нормально. А у тебя?

— Да так... — Лена понизила голос. — Слушай, может, после работы заглянем в то новое кафе? Говорят, там невероятные десерты.

Ева замялась. Мысль о том, что придется объяснять причину задержки, уже неприятно царапала изнутри — знакомо и болезненно.

— Звучит здорово, но... я, пожалуй, пас.

— Ага, — Лена не стала настаивать. — Понимаю. Твой будущий муж не любит, когда ты задерживаешься.

Ева хотела автоматически ответить «он просто заботится», но фраза застряла в горле. Вместо этого она спросила, сама удивившись собственной смелости:

— А почему ты так говоришь?

Лена чуть наклонила голову, взвешивая слова:

— Да просто... ты в последнее время постоянно оглядываешься. И он... ну, сама знаешь. Заглядывает по три раза

на дню, словно боится, что ты исчезнешь.

— Это не контроль, — тихо возразила Ева, скорее по инерции, чем искренне ведясь в свои слова. — Он просто... вовлечен.

— Вовлечен, — эхом повторила Лена. — Удобное слово, чтобы не называть вещи своими именами.

В этот момент в кабинет вошел Артур. Его холодный взгляд скользнул по Лене, и та тут же поднялась, будто невидимая пружина подбросила ее со стула.

— Ой, ладно, я забежала на минутку. Не буду отвлекать.

Артур кивнул, вежливо улыбнувшись:

— Рад, что вы находите время для общения, Ева. Но у нас сегодня плотный график.

Лена молча удалилась, бросив на подругу быстрый взгляд, в котором читалось и «я рядом», и «будь осторожна».

Ева попыталась сосредоточиться на расчетах, но разговор с Леной неотступно крутился в голове, словно навязчивая мелодия, которую невозможно прогнать. Каждое брошенное слово отдавалось эхом, заставляя совершенно по-новому взглянуть на привычную жизнь.

Артур заглядывал в кабинет несколько раз за день. Каждый раз она ловила себя на том, что выпрямляет спину и чуть прикрывает монитор ладонью. Его взгляд скользил по столу, по экрану, по ее одежде, и от этого на душе становилось липко.

— Ева, — голос прозвучал неожиданно близко, — ты от-

влекаешься.

Она подняла глаза, стараясь скрыть вину:

— Это сложный расчет.

— Сосредоточься, — тон был мягким, но в нем звенело скрытое раздражение. — У нас важный проект.

Ева кивнула, но пальцы замерли над клавиатурой. Слова Лены крутились в голове: «Ты все время будто оглядываешься». Может, она и правда не хотела замечать очевидного?

Ближе к обеду она заметила, как Артур снова проверяет ее почту под предлогом сортировки писем. У него был доступ для обеспечения безопасности, и она давно смирилась с этим, но сегодня эта забота казалась давящей.

Когда он ушел на встречу, Ева не стала медлить. Открыла корпоративный мессенджер и быстро пробежалась по истории переписок. Несколько чатов значились как удаленные администратором. Старые обсуждения с коллегами — сухие, сугубо рабочие, без намека на лишнее — стерли подчистую.

Внутри все сжалось. Ей не хотелось верить в происходящее, но факты складывались в пугающе четкую картину.

В этот момент в кабинет заглянула Лена:

— Ты не забыла про кафе?

Ева задержала дыхание, собираясь привычно отказаться. Но вместо этого вырвалось:

— Я подумаю.

Лена кивнула, понимая, что сейчас это значит «мне нужно время, чтобы собраться с мыслями», и тихо закрыла дверь,

оставив Еву наедине с экраном, где черными буквами светилось: «удалено администратором».

Ева не сразу убрала руки с клавиатуры. В голове щелкали шестеренки, настраиваясь на новый, холодный лад.

Сначала она проверила время удаления: все чаты стерли в тот самый день, когда Артур впервые «помогал» с почтой. Затем заглянула в системный журнал: его учетная запись фигурировала в каждом действии. Никаких сбоев, никаких посторонних лиц — только он.

Факты сошлись в уравнение с единственным известным. И от этой ясности стало жутко: это не случайность. Это делалось осознанно.

Она закрыла вкладку, на секунду прижала ладони к глазам, глубоко вдохнула и вернулась к расчетам. Цифры требовали внимания, и сейчас это было спасением — возможностью хотя бы на минуту отвлечься.

Расчет сошелся ровно в тот момент, когда в дверь постучали. Ева вздрогнула:

— Да?

На пороге стояла Лена с двумя стаканчиками кофе.

— Я подумала, что в кафе ты все равно не пойдешь, а кофе можно выпить и здесь, — она чуть улыбнулась. — И даже не пытайся сказать, что занята. Просто посиди пять минут.

Ева посмотрела на стаканчик, потом на Лену. Внутри привычно шевельнулось: «Не усложняй». Но рядом звучал другой голос: «Тебе можно передохнуть».

— Спасибо, — тихо сказала она, подвигая стул. — Пять минут.

В полдень Артур возник на пороге с той самой неизменной улыбкой — ровной, отрепетированной до миллиметра.

— Я заказал столик в «Ла Скала». Пообедаем, обсудим новый проект, — сказал он, словно речь шла о чемто само собой разумеющемся.

Ева кивнула, сдерживая раздражение. «Ла Скала» был любимым местом Артура — дорогим и демонстративно пафосным. Каждый второй гость узнавал его и тут же осыпал Еву цепкими, оценивающими взглядами, безмолвно решая, достойна ли она такого спутника.

Официант проводил их к уединенному столику. Не заглядывая в меню, Артур заказал свое любимое блюдо. Ева теребила в пальцах салфетку, чувствуя, как нервы натягиваются тугой струной, готовой лопнуть от любого резкого звука.

— Артур, — наконец сказала она, глядя в тарелку, — я заметила, что некоторые письма пропали из моей почты.

Его улыбка стала шире, словно он только и ждал этого вопроса:

— Дорогая, это для твоего же блага. В современном мире нужно быть осторожнее. Я просто помогаю обезопасить компанию от утечек.

Она подняла глаза и встретила с его холодным взглядом. К столику подошел высокий мужчина в дорогом костюме: — Артур, старина! Какая встреча!

Артур поднялся, расплываясь в улыбке:

— Петр, рад видеть! Позволь представить — моя невеста, Ева.

Пока мужчины обменивались любезностями, Ева молчала. В ее голове, точно цифры в финансовом отчете, выстраивались факты: «для твоего блага», «безопасность», «я помогаю». И рядом — то, как он методично забирал контроль: стиль, друзья, увлечения, почта. Как изолировал ее от внешнего мира. «Ты же не хочешь, чтобы конкуренты получили доступ к нашим документам?» — его фраза эхом отдавалась в голове, теперь уже не как забота.

Когда Петр отошел, Ева посмотрела на Артура прямо:

— Я ценю твою заботу, — произнесла она спокойно, без вызова и без извинений. — Но давай договоримся: никаких изменений в моей почте без предупреждения.

Улыбка Артура дрогнула на долю секунды, но тут же вернулась на место.

— Конечно, дорогая. Я просто хотел как лучше.

Ева кивнула. Впервые она не пыталась оправдать его слова, а просто зафиксировала факт: это контроль. И четко обозначила границу.

Когда они вернулись в офис, Артур тут же ушел на совещание, бросив на ходу:

Ева села за стол и только сейчас заметила, как едва заметно дрожат руки.

Она не стала сразу открывать файл. Сделав несколько глу-

боких вдохов, чтобы справиться с волнением, она зашла в настройки почты и установила уведомления на любые изменения в папке «Входящие». Пальцы двигались сами, по инерции.

На экране всплыло сообщение от Лены: «Ну как обед? Если хочешь, можем просто посидеть в столовой, без пафоса». Ева замерла над клавиатурой. Раньше она бы тут же придумала отговорку: «Артур не любит», «надо работать», «не хочу привлекать внимание». Но сейчас внутри вдруг стало тихо — и в этой тишине прозвучало совсем другое: «Я хочу просто побыть с человеком, который не станет меня оценивать». Она напечатала: «Давай в столовой. В час?» — и нажала «Отправить» раньше, чем успела себя передумать.

В дверь постучали. Ева подняла глаза: на пороге стояла Лена с двумя картонными стаканчиками.

— Решила не рисковать: даже если ты в ресторане обьелась деликатесов, кофе лишним не будет.

Ева улыбнулась, и улыбка получилась живой, будто в груди наконец распрямилась пружина.

— Спасибо. И да, столовая — отличный вариант.

Лена села напротив, подвинула к ней стаканчик и произнесла:

— Если хочешь обо всем этом поговорить — я рядом. Если не хочешь — давай о чем угодно. Хоть о котах, хоть о погоде.

От этой простоты у Евы защипало в глазах. Она быстро

моргнула, сдерживая слезы, и выпалила первое, что пришло на ум:

— Знаешь, сегодня я впервые сказала ему «нет». Ну, не совсем «нет»... скорее, обозначила границу. А он просто кивнул, будто ничего особенного. Но для меня это огромный шаг.

Лена не стала сыпать дежурными фразами вроде «ты молодец» или «все наладится». Она просто кивнула:

— Это тяжело. Когда приходится объяснять людям, что с тобой так нельзя. Особенно если годами все делали вид, будто ничего страшного не происходит.

Ева выдохнула. Впервые за долгое время кто-то назвал вещи своими именами: да, это тяжело. И этого признания оказалось достаточно, чтобы внутреннее напряжение немного отпустило.

Пока они пили кофе, Ева все еще ощущала остаточную дрожь, но теперь уже не от страха, а от осознания собственного решения. И пусть Артур снова сделает вид, будто ничего не случилось, пусть опять повторит: «Я же просто хотел как лучше». Сегодня она услышала эти слова — и внутренне с ними не согласилась.

На почту упало системное уведомление: «Внесены изменения в настройки доступа к папке». Время: 14:03. Ева всмотрелась в строку, и на секунду ее захлестнула волна злости — пальцы сами сжались в кулаки. Однако Лена сидела рядом, спокойно помешивала кофе и рассказывала о ка-

ком-то нелепом сбое с принтером, и эта обычная, мирная история мягко гасила раздражение, не давая ему перерасти в панику.

Ева молча скопировала уведомление в отдельный файл и озаглавила его: «14:03 — после разговора». щелкнула картой доступа и вошла в офис. В холле уже кипела жизнь: сотрудники спешили на планерки, воздух пах эспрессо и срочностью.

— Привет, красотка! — Лена присела на край стола. — Как выходные?

Ева улыбнулась, откладывая сумку:

— Нормально. А у тебя?

— Да так... — Лена понизила голос. — Слушай, может, после работы сходим в то новое кафе? Говорят, десерты там сумасшедшие.

Ева замялась. Мысль о том, что придется объяснять, почему она задерживается, уже царапала изнутри, привычно и до боли знакомо.

— Звучит здорово, но... я, наверное, не смогу.

— Ага, — Лена не стала давить. — Понимаю. Твой будущий муж не любит, когда ты задерживаешься.

Ева хотела привычно сказать «он просто заботится», но фраза застряла на полпути. Вместо этого она спросила, сама удивляясь собственной смелости:

— А почему ты так говоришь?

Лена чуть наклонила голову, прикидывая, стоит ли про-

должать:

— Да просто... ты в последнее время постоянно огляды-
ваешься. И он... ну, ты знаешь. Заходит к тебе по три раза
на дню. Проверая, не исчезла ли.

— Это не проверка, — тихо возразила Ева, скорее по
инерции, чем по убеждению. — Он просто... вовлечен.

— Вовлечен, — повторила Лена. — Иногда это слово ис-
пользуют, чтобы не называть вещи своими именами.

В этот момент в кабинет вошел Артур. Его взгляд скольз-
нул по Лене, и та тут же встала, будто ее подбросило невиди-
мой пружиной.

— Ой, прости, забежала поболтать. Не хотела мешать.

Артур кивнул, вежливо улыбнувшись.

— Рада, что вы нашли время поболтать, Ева. Но у нас се-
годня плотный график.

Лена ушла, бросив на нее короткий взгляд, в котором чи-
талось и «я рядом», и «будь осторожна».

Ева попыталась сосредоточиться на расчетах, но разговор
с Леной, то и дело всплывал в голове, как застрявшая строч-
ка из песни, которую никак не удастся прогнать. Каждое сло-
во, осевшее где-то внутри отзывалось эхом, заставляя по-но-
вому взглянуть на привычные вещи.

Артур заглядывал в кабинет несколько раз за день. Каж-
дый раз она ловила себя на том, что выпрямляет спину и
чуть прикрывает монитор ладонью. Его взгляд скользил по
столу, по экрану, по ее одежде, и от этого на душе станови-

лось липко.

— Ева, — голос прозвучал неожиданно близко, — ты отвлекаешься.

Она подняла глаза, стараясь, чтобы в них не было видно вины:

— Это сложный расчет.

— Сосредоточься, — тон был мягким, но в нем звенело раздражение. — У нас важный проект.

Ева кивнула, но пальцы замерли над клавиатурой. Слова Лены крутились в голове: *«Ты все время будто оглядываешься»*. Может, она и правда не хотела видеть то, что было прямо перед глазами?

Ближе к обеду она заметила, как Артур снова копается в ее почте под предлогом сортировки писем. У него был доступ «для безопасности данных», она давно смирилась с этим, но сегодня это «напоминание» стало слишком громким.

Когда он ушел на встречу, Ева не стала тянуть ни секунды. Открыла корпоративный мессенджер и быстро пробежалась по истории переписок. Несколько чатов были помечены как «удалено администратором». Старые обсуждения с коллегами — сухие, рабочие, без намека на что-то лишнее — просто стерты.

Внутри что-то дрогнуло. Она не хотела верить, но факты складывались в слишком однозначную картину.

В этот момент в кабинет заглянула Лена:

— Ты не забыла про кафе?

Ева задержала дыхание, собираясь привычно сказать «я не смогу». Но вместо этого вырвалось:

— Я подумаю.

Лена кивнула, понимая, что «подумаю» сейчас значит «мне нужно время, чтобы не сломаться». И тихо закрыла дверь, оставив Еву наедине с экраном, где черными буквами светилось: «удалено администратором».

Ева не сразу отняла пальцы от клавиатуры. Она смотрела на надпись «удалено администратором», и в голове щелкали шестеренки, привычный рабочий ритм, который сейчас работал на нее саму.

Сначала она проверила время удаления: все чаты стерли в один день, в тот самый, когда Артур в первый раз «помогал» с сортировкой почты. Потом заглянула в записи активности: его учетка фигурировала в каждом из этих действий. Никаких общих администраторов, никаких системных сбоев — только он.

Пальцы замерли. Факты складывались в уравнение с известными переменными. И от этой ясности стало страшнее: это не случайность и не ошибка. Это сделано намеренно.

Она закрыла вкладку и на секунду прижала ладони к глазам. Опустила руки, сделала глубокий вдох и вернулась к расчету. Цифры требовали внимания, и сейчас это было даже спасением. Хоть на минуту перестать думать о том, что кто-то стирает ее рабочее пространство.

Расчет сошелся ровно в тот момент, когда в дверь посту-
чали. Ева вздрогнула:

— Да?

На пороге стояла Лена с двумя стаканчиками кофе.

— Я подумала, вдруг ты не пойдешь в кафе, но кофето
можно выпить и тут, — она чуть улыбнулась.

— И не говори «я не могу». Просто посиди пять минут.

Ева посмотрела на стаканчик, потом на Лену. Внутри сно-
ва шевельнулся привычный голос: *«Не усложняй, не пере-
гибай»*. Но рядом с ним теперь стоял другой: *«Тебе можно
взять этот кофе. Тебе можно посидеть пять минут»*.

— Спасибо, — тихо сказала она и подвинула стул. — Пять
минут.

В полдень Артур возник на пороге с той самой неизмен-
ной улыбкой — ровной, отрепетированной до миллиметра.

— Я заказал столик в «Ла Скала». Пообедаем, обсудим
новый проект, — сказал он, словно речь шла о чемто само
собой разумеющемся.

Ева кивнула, пряча раздражение за коротким движе-
нием головы. «Ла Скала» был его любимым рестораном: доро-
гим, пафосным, где каждый второй посетитель знал Артура
и бросал на нее эти быстрые, оценивающие взгляды — пы-
таясь угадать, насколько она ему соответствует.

Официант проводил их к уединенному столику. Артур,
не спрашивая, заказал свое любимое блюдо. Ева крутила в
пальцах салфетку, чувствуя, как нервы натягиваются, как

струны, готовые сорваться от любого резкого звука.

— Артур, — наконец сказала она, глядя в тарелку, — я заметила, что некоторые письма пропали из моей почты.

Его улыбка стала шире, будто он ждал именно этого вопроса:

— Дорогая, это для твоего же блага. В современном мире нужно быть осторожнее. Я просто помогаю обезопасить компанию от утечек.

Она подняла глаза и встретила с его холодным взглядом. К столику подошел высокий мужчина в дорогом костюме: — Артур, старина! Какая встреча!

Артур поднялся, расплываясь в улыбке:

— Петр, рад видеть! Позволь представить — моя невеста, Ева.

Пока мужчины обменивались любезностями, Ева не слушала. Она раскладывала факты, как цифры в отчете: «для твоего блага», «безопасность», «помогаю». И рядом — то, как он методично забирал контроль: стиль, друзья, увлечения, почта. Как изолировал ее от внешнего мира. «Ты же не хочешь, чтобы конкуренты получили доступ к нашим документам?» — его фраза эхом отдавалась в голове, теперь уже не как забота.

Когда Петр отошел, Ева посмотрела на Артура прямо:

— Я ценю твою заботу, — сказала она спокойно, без вызова и без извинений. — Но давай договоримся: никаких изменений в моей почте без предупреждения.

Улыбка Артура дрогнула на долю секунды и тут же вернулась.

— Конечно, дорогая. Я просто хотел как лучше.

Ева кивнула. Впервые она не пыталась оправдать его слова. Она просто зафиксировала: это контроль. И поставила границу.

Когда они вернулись в офис, Артур тут же ушел на совещание, бросив на ходу:

— Посмотри еще раз вводную по проекту. И скинь мне черновик до пяти.

Ева села за стол и только тут поняла, что руки дрожат едва заметно.

Она не стала сразу открывать файл. Сначала посидела, глубоко вдыхая и выдыхая, чтобы унять эту дрожь. Потом всетаки зашла в настройки почты и поставила уведомление на любые изменения в папке «Входящие». Пальцы двигались сами, по инерции.

На экране всплыло сообщение от Лены: «Ну как обед? Если хочешь, можем просто посидеть в столовой, без пафоса».

Ева замерла над клавиатурой. Раньше она бы тут же придумала причину отказаться: «Артур не любит», «надо успеть», «не хочу привлекать внимание». А сейчас внутри вдруг стало тихо — и в этой тишине прозвучало совсем другое: «Я хочу просто посидеть с человеком, который не будет меня оценивать».

Она напечатала: «Давай в столовой. В час?» — и нажала

«Отправить» раньше, чем успела себя отговорить.

В дверь постучали. Ева подняла глаза — на пороге стояла Лена с двумя картонными стаканчиками.

— Я решила не рисковать: если ты в «Ла Скала» наелась деликатесов, кофе все равно никому не вредит.

Ева улыбнулась, и улыбка вышла настоящей, будто из груди наконец вышел застрявший воздух.

— Спасибо. И да, столовая подойдет.

Лена села напротив, поставила стаканчик, чуть подвинув его к Еве, и сказала:

— Если хочешь про все это поболтать — я тут. Если не хочешь — давай про что угодно. Хоть про кота, хоть про погоду.

От этой простоты у Евы вдруг защипало в глазах. Она быстро моргнула, чтобы не дать слезам проступить, и вместо этого сказала первое, что пришло в голову:

— Знаешь, сегодня я впервые сказала ему «нет». Ну, не совсем «нет»... но границу поставила. И он просто кивнул, будто это ничего не значит. А для меня это... много значит.

Лена не стала говорить «ты молодец» или «все будет хорошо». Она просто кивнула.

— Это тяжело, — тихо сказала она. — Когда приходится объяснять, что с тобой нельзя так. Особенно если раньше все делали вид, что все нормально.

Ева выдохнула. Впервые за долгое время кто-то признал: да, это тяжело. И этого оказалось достаточно, чтобы напря-

жение чуть отпустило.

Пока они пили кофе, Ева все еще чувствовала эту дрожь внутри, но теперь она была не от страха, а от того, что решилась. И пусть Артур снова сделает вид, что ничего не было, пусть снова скажет: «Я просто хотел как лучше». Сегодня она их услышала — и не согласилась.

На почту пришло автоматическое уведомление: «Внесены изменения в настройки доступа к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.